

12. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение/ пер. с англ. Е.И. Николаенко. – М.: THESIS, 1993, вып. 2. С.73-80

13. Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Экономическая социология. 2001. – Т. 2. – №3. – С. 9.

14. Осипова Н.Г. «Стратегическая модель» М. Крозье // Предмет социологии во Франции (Анализ современных социологических школ). – М.: РНИИ ИСПИ РАН, 1997. – С.172

15. Верховин В.И., Зубков В.И. Экономическая социология – М.: Издательство РУДН, 2002.

16. Заславская Т.И. Постсоциалистический трансформационный процесс в России: от исходной парадигмы к анализу // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1998. – №3. – С. 135.

Literature

1. Astapov K.I. Russian economy growth' factors – M.: TEIS, 2003; Zhuravlev I. The key factors that determine taxable capacity and intergovernmental fiscal relations; Kadochnikov P., Lugovoi O., Sinehnikov Murylev S., Trunin I. Estimation of taxable capacity and consumption requirements of Russian Federation' regions. – M., 2001.

2. The law of the Russian Federation the About estimation of regional executive authority's activity. 28.06.2007 №825.

3. Lerua M. Sociology of a tax: transl. from French – M.: Delo i Servis, 2006.; Competition for taxpayers: fiscal sociology research / by V. Volkov – M.: MONPh, 2000.

4. Iljin V. The state and social stratification of soviet and post soviet societies 1917-1996: Constructivism – structuralism analysis' experience. – Syktyvkar: Syktyvkar State University, Institute of sociology RAS, 1996.

5. Economic sociology and perestroika. / ed. by T. Zaslavskaya and R.M. Ryivkina. 1989; Ryazantsev I., Khalikov M. Economic sociology (regional aspect). – M.: MAKSPress, 2003; Verhovin V., Zubkov V. Economic sociology. – M.: RUDN, 2002.

6. Lerua M. Sociology of tax: transl. from French – M.: Delo i Servis, 2006. – P. 3-55-58.

7. The same. – P.11

8. Zavalishin A. Regional socioeconomic behavior (theoretical and methodological analysis). – M.: RUDN, 2008. P. 11-78.

9. Veblen T. The theory of the leisure class. M.: Progress, 1984; Kirdina S. Institutional matrix theory (an example of the Russian Institutionalism); North D.C. Transaction costs, institutions, and economic performance – San Francisco: Press, 1992; Nort D. Institutions and economic growth: historical introduction / Translation by Nikolenko E. - M.: THESIS, 1993; Radaev V. New institutionalism: the construction of the research model // Economic sociology. - №3, 2001. – Vol. 2.

10. Dzagoeva M. Institutional basis of the Russian Federation regional tax policy – Rostov-n/D.: SKNC VSH, 2006; Merkulova T. Tax' institution. Kharkov, 2006.

11. Veblen T. The theory of the leisure class. M.: Progress, 1984. С.200

12. Nort D. Institutions and economic growth: historical introduction / transl. by E. Nikolenko - M.: THESIS, 1993. -- P.73-80

13. Radaev V. New institutionalism: the construction of the research model. // Economic sociology. – 2001. – Vol. 2, № 3– P.9.

14. Osipova N.G. «Strategic model» of Kroz'ye // The subject of sociology in France (analysis of modern schools of sociology). M.: RNC ISPI RAN, 1997. --С.172.

15. Verhovin V.I., Zubkov V.I. Economic sociology. – M.: RUDN, 2002.

16. Zaslavskaya T.I. Post socialistic process in Russia: from the basic paradigm to analysis // Vestnik Rossijskogo humanitarnogo nauchnogo fonda. – 1998. - №3. – P. 135.

Сведения об авторе

Желаннова Евгения Алексеевна - аспирантка социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: pikul_80@mail.ru

Data on author

Zhelannova Evgeniya Alekseevna – post-graduate of sociological faculty of Moscow State University of M.V. Lomonosova, e-mail: pikul_80@mail.ru

УДК 329. 05 (571.54)

ББК 66.6 (2 Рос. Бур)

Л.А. Матхеев

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается развитие политических партий в Республике Бурятия на современном этапе в период с 2000 по 2008 г. Изменения в российском партийном и избирательном законодательстве повлекли существенные трансформации прежней конфигурации политических партий в регионе, обозначив логику их дальнейшего развития в сторону снижения уровня фрагментации и межпартийной конкуренции.

Ключевые слова: партийное законодательство, избирательное законодательство, избирательная система, унификация, фракция.

L.A. Matkheev

POLITICAL PARTIES IN THE REPUBLIC BURYATIA IN THE MODERN PERIOD: CONDITION AND DEVELOPMENT TENDENCIES

In this article development of political parties of the Republic Buryatia in the modern period from 2000 till 2008 are considered. Changes in the Russian party and electoral legislation have entailed significant transformations of the former configuration of political parties in the region, having designated the logic of their further development towards decrease of fragmentation level and interparty competition.

Key words: party legislation, electoral legislation, electoral system, unification, fraction.

Региональные политические партии во второе десятилетие постсоветского периода политического развития России претерпели значительную трансформацию. Логика их эволюции (содержание трансформационных процессов) напрямую обуславливалась и во многом объяснялась особенностями политического режима В. Путина, моноцентрический характер которого, по мнению А.Ю. Зудина, проявлялся в отходе от логики функционирования прежней институциональной системы [4; 70-71]. Главным содержанием первого периода правления Путина явилось формирование новой модели центрo-периферийных отношений, где основным направлением стала экспансия федерального центра на региональные партийно-политические институты.

В сложившейся после всероссийского электорального цикла 2003-2004 гг. конstellляции политических акторов Республики Бурятия (РБ) позиции коммунистов (являвшиеся традиционно сильными) существенно ослабли. Победа на парламентских выборах 2003 г. «Единой России» (ЕР), набравшей относительное большинство мандатов в нижней палате Федерального Собрания Российской Федерации (ФС РФ) – Государственной Думе (ГД), означала продолжение курса Центра на унификацию регионального политического пространства и уменьшение числа значимых акторов. Результаты состоявшихся годом ранее выборов в региональный парламент Республики Бурятия (РБ) – Народный Хурал (НХ) свидетельствовали о постепенном изменении существовавшей на тот момент партийной конфигурации.

Сложившаяся в РБ после выборов 2002 г. конфигурация парламентских партий отличалась от общероссийской (с учетом того, что выборы проходили по мажоритарной системе) в сторону их уменьшения. Подобную тенденцию к уменьшению политического многообразия следует считать закономерным итогом реформы партийного и избирательного законодательства. Принятие Федерального закона «О политических партиях» (2001 г.) формально стимулировало развитие политических партий, однако на деле содержало фактический запрет на создание межрегиональных и региональных партий, а также избирательных блоков, что привело к исключению конкуренции между федеральными и местными партиями [6]. Другое нововведение касалось ужесточения процедуры регистрации политических партий. Как отмечает А.В. Кынев, «партия должна быть сначала «условно» зарегистрирована на федеральном уровне, а затем в течение 6 месяцев регистрировать региональные отделения не менее чем в половине субъектов Федерации» [5; 147]. К тому же минимальная численность партий в 10 тыс. человек была впоследствии поднята до 50 тыс.

Ужесточение избирательного законодательства выразилось в принятии новой редакции Федерального закона «Об основных гарантиях прав и права

на участие в референдуме граждан РФ» (2002 г.). В соответствии с ним с 14 июля 2003 г. выборы в региональные legislатуры должны были проходить по смешанной системе, т.е. половина депутатов отныне избиралась по партийным спискам [3].

Учитывая, что предыдущие парламентские выборы в РБ состоялись в 2002 г., данные нововведения не были апробированы и в полную силу вступили лишь на выборах 2007 г. В период после декабря 2003 г. и до декабря 2007 г. в партийной системе РБ наступило характерное для региона состояние «политического равновесия». Тем не менее оно отличалось от того состояния, которое было в предыдущие электоральные циклы. Во-первых, исчезла возможность для блокирования партий, а вместе с этим и привычная тактика предвыборных альянсов. Во-вторых, переход к смешанной избирательной системе (выборы 2007 г.) в перспективе должен был повысить роль партий на региональных выборах. В-третьих, ослабление поддержки коммунистов на федеральных выборах 2003 г. в РБ по сравнению с федеральными выборами 1999 г. демонстрировало возможность дальнейшего изменения электорального баланса в пользу ЕР.

Перечисленные процедурные изменения как состоявшиеся, так и будущие обусловили направление развития политических партий РБ в сторону унификации регионального политического пространства. Это наглядно проявлялось в парламентской деятельности партий на уровне межфракционных перестановок. На первой сессии парламента РБ – Народного Хурала третьего созыва (2002-2007 гг.) были сформированы три фракции. Самой многочисленной фракцией стала фракция ЕР – 14 депутатов. Кроме нее фракцию в НХ зарегистрировал Союз правых сил – 5 депутатов и фракция «Север» – 6 депутатов. Таким образом, в августе 2002 г. в парламенте республики было три фракции.

В октябре этого же года регистрируется депутатская группа «Социальная справедливость», созданная на базе Народно-патриотического союза России (7 депутатов), которую можно рассматривать как опору коммунистов в региональном парламенте. С другой стороны, отсутствие фракции КПРФ во многом свидетельствовало о слабости ее регионального отделения. Месяцем позже создается депутатская группа «Союз независимых депутатов» в составе 6 депутатов.

Результаты третьего электорального цикла 2003-2004 гг. придали новый импульс развитию политических партий РБ. Особенности этих выборов в полной мере обусловили межпартийную конкуренцию в регионе и характер отношений в среде политической элиты. Во-первых, ЕР одержала победу, набрав в целом по России 37,09% (280 мандатов в ГД). Во-вторых, главной сенсацией стало прохождение в ГД блока «Родина», который сыграв на поле умеренного национализма,

набрал 9,1%. В-третьих, очевиден провал демократов – СПС и Яблока, набравших 4 и 4,3% соответственно.

Дальнейшая фракционализация НХ демонстрировала стабильный количественный показатель трехфракционного парламента вплоть до 2007 г. Уровень партийности, напротив, ей не соответствовал. Например, уровень партийного представительства в НХ второго созыва (1998-2002 гг.) был равен нулю (анализ партийности кандидатов и депутатов) [2; 69]. В НХ третьего созыва наблюдалось увеличение числа партийных депутатов (25 из 65), что в процентном выражении составляло 38,5% от общего количества парламентских мест.

В марте 2005 г. была образована фракция «Родина» в составе 9 депутатов, став, таким образом, второй по численности депутатской фракцией после ЕР. Усиление позиций «Родины» в парламенте РБ многие исследователи связывали с дискредитацией ЕР в глазах избирателей. Месяцем позже были ликвидированы фракция «Союз правых сил», непартийная фракция «Север» и депутатская группа «Союз независимых депутатов». Роспуск фракций «Союз правых сил» и «Север» можно считать закономерным явлением, связанным с консолидацией депутатского корпуса вокруг одной партии и усилением «партизации» НХ. Ликвидация «Союза независимых депутатов» также объясняется стремлением депутатов идентифицировать себя с определенной партией.

В апреле 2006 г. была зарегистрирована фракция партии Жизни (6 депутатов), причем четверо депутатов перешли в нее из депутатской группы «Социальная справедливость», фактически инициировав процесс ее ликвидации, что и произошло осенью того же года [7]. С исчезновением данной депутатской группы по сути была прекращена парламентская деятельность коммунистов, причем, что в 2002 г. из 25 депутатов избранных при поддержке рескома КПРФ во фракцию вошли всего 7 [9]. Таким образом, на конец 2006 г. в НХ было четыре фракции: ЕР, «Родина», фракция аграриев и партия Жизни.

Появление фракции партии жизни можно рассматривать в контексте подготовки нового кремлевского партийного проекта в лице Справедливой России (СР), куда впоследствии вошли партия Жизни, партия пенсионеров России и «Родина». СР позиционировалась как замена неудобной «Родины» и «партия власти» номер два. Очевидно, такой шаг был продиктован возможностью неудачи ЕР на парламентских выборах в декабре 2007 г. В этом случае СР могла бы «подстраховать» ЕР, оттянув часть электората у коммунистов.

После официальной регистрации «Справедливой России: Родина/ Пенсионеры/Жизнь» 28 октября 2006 г. в РБ с некоторыми сложностями относительно проблемы организационной базы (несколько создавалось на основе БРО «Родина») было образовано региональное отделение СР-РПЖ. В

конце января 2007 г. решением организационного собрания депутатов была зарегистрирована фракция СР-РПЖ, ставшая второй по численности (16 депутатов) и третьей по количеству фракций в НХ РБ, кроме уже существующих – ЕР (30 депутатов), и Аграрная партия России (5 депутатов) [10].

Как и в случае с «Родиной», «переманившей» депутатов из «Социальной справедливости», к СР-РПЖ уже в феврале примкнули два депутата, один из которых состоял во фракции АПР. Это поставило под угрозу существование фракции аграриев, но положение спасло присоединение одного депутата, что довело численность фракции до минимальных пяти человек (впоследствии фракция аграриев вошла во фракцию ЕР).

Подобные межфракционные движения являются, на наш взгляд, чисто парламентским явлением, в принципе не влияющим на конфигурацию политических партий РБ, но серьезно осложняющим их функционирование. С другой стороны, ликвидация фракции лишает партию парламентского статуса, повышая издержки на следующие выборы. Фракционализация, с одной стороны, показывает реальную расстановку партий, а с другой – оказывает на нее влияние. Если учитывать этот аспект, то в политической системе РБ на тот момент можно было выделить только две партии: ЕР и СР.

Еще одна категория партий – партии, чье существование на тот момент оставалось под вопросом. Это партии главным образом праволиберального толка – СПС, «Яблоко» и «Гражданская сила». На левом фланге политического спектра – АПР и Партия социальной справедливости и Патриоты России. На сегодняшний день многие из этих партий прекратили свое существование, «влившись» в другую партию (слияние АПР с ЕР), либо образовав новую (СПС, «Гражданская сила» и ДПР объединились в партию «Правое дело»).

К выборам НХ четвертого созыва, назначенного на один день с выборами мэра столицы республики Улан-Удэ и выборами в нижнюю палату Федерального Собрания РФ (декабрь 2007 г.), в РБ сложился формат «многопартийной системы» (партийной конфигурации) с одной доминирующей партией. По результатам выборов в НХ победу одержала ЕР, набрав по региону 64,11% голосов избирателей. КПРФ набрала 12,09%, СР – 11,94%, ЛДПР – 8,09% [8]. Из 66 депутатских мандатов ЕР получила 44, СР – 10, КПРФ – 8, ЛДПР – 3. Таким образом, ЕР получила абсолютное большинство в НХ РБ, что в принципе предопределяет дальнейший процесс партийного строительства в сторону унификации партийно-политического пространства региона.

Исходя из этого, тенденции развития политических партий в РБ на ближайшие годы можно оценить как стабильные, в смысле отсутствия кардинальных изменений в существующей партийной конфигурации. Доминирующий тренд на партизацию и унификацию региональных партийных сис-

тем достигнут. Что за ним – дальнейшая монополизация политического пространства одной партией или достижение электорального «потолка»? Возможны по сути два сценария: первый – превращение в «партию власти» какой-либо другой партии, что означает реставрацию нынешнего положения, и второй – курс на постепенное ослабление жестких правил партийного и избирательного законодательства с последующим отказом от «партий власти» и переходом к формату правящих партий [1]. Хотелось бы надеяться на последнее, тем более, что некоторые изменения в партийном законодательстве (понижение минимальной численности партий с 50 тыс. до 40 тыс. человек и решение о парламентском представительстве партий, набравшим больше 5%, но меньше 7%) произошли, но их явно недостаточно для создания стабильной, эффективной и демократической партийной системы.

Литература

1. Бызов Л.Г. «Единая Россия»: достигнут ли электоральный потолок? [Электр. ресурс]. – URL: www.igpi.ru/info/people/byzov/ER-top.doc.
2. Голосов Г.В. Элиты, общероссийские партии, местные избирательные системы // *Общественные науки и современность*. 2000. №3. – С. 51-75.
3. Гысыллова Л.Н. Смешанная система и проблема ее реализации в регионах [Электр. ресурс]. – URL: www.egov-buryatia.ru/index.php?id=395.
4. Зудин А.Ю. Режим В. Путина: контуры новой политической системы // *Общественные науки и современность*. 2003. №2. – С. 67-83.
5. Кынев А.В. Политические партии в российских регионах: взгляд сквозь призму региональной избирательной реформы // *Политические исследования*. 2006. №6. – С. 145-160.
6. Родин И. В регионы партиям дорога пока закрыта. [Электр. ресурс] – Режим доступа: www.ng.ru/politics/2001-08-04/3_regions.html.
7. В Народном Хурале Бурятии зарегистрирована фракция партии Жизни [Электр. ресурс]. – URL: www.tayga.info/news/8285.

Сведения об авторе

Матхеев Лазарь Алексеевич – аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, e-mail: laz84@yandex.ru.

Data on author

Matkheev Lazar Alekseevich – post-graduate of political science and sociology department, e-mail: laz84@yandex.ru.

8. На выборах в Народный Хурал Бурятии «Единая Россия» набрала 64% голосов избирателей. [Электр. ресурс]. – Режим доступа: www.regnum.ru/news/926128.html.

9. «Социальную справедливость» в Народном Хурале Бурятии ликвидируют [Электр. ресурс]. – URL: www.regions.ru/news/parties/2007548.

10. Фракция БЮ политическая партии «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь» зарегистрирована в Народном Хурале Бурятии [Электр. ресурс]. – URL: www.baikal-media.com/2007/01/31/fraktsiya-bro-politicheskoi-partii-spravedlivaya-rossiya-rodinapensioneryzhizn-zaregistrovanna-v-narodnom-khurale-buryatii.

Literature

1. Byzov L.G. «The United Russia»: is the electoral ceiling reached? // [Electronic resource] – Access mode: www.igpi.ru/info/people/byzov/ER-top.doc.
2. Golosov G.V. Elites, the All-Russian parties, local electoral systems // *Social science and the present time*. – 2000. №3. – P. 51-75.
3. Gyslyova L.N. The mixed electoral system and the problem of its realization in regions. [Internet resource] – Access mode: www.egov-buryatia.ru/index.php?id=395.
4. Zudin A.U. The Putin's regime: contours of the new political system // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 2003. – №2. – P. 67-83.
5. Kynev A.V. Political parties in Russian regions: sight through a prism of regional electoral reform // *Politicheskie issledovaniya*. – 2006. №6. – P. 145-160.
6. Rodin I. In regions to parties the road while is closed [Electronic resource]. – Access mode: www.ng.ru/politics/2001-08-04/3_regions.html.
7. In the People's Khural of Buryatia the fraction of «The party of Life» is registered. [Electronic resource] – Access mode: www.tayga.info/news/8285.
8. At elections in the People's Khural of Buryatia «The United Russia» has scored 64% of votes. [Electronic resource] – Access mode: www.regnum.ru/news/926128.html.
9. In the People's Khural «Social Fair» will be eliminated [Electronic resource]. – Access mode: www.regions.ru/news/parties/2007548.
10. Political party fraction BRD «Fair Russia: Motherland/Pensioners/Life» is registered in the People's Khural of Buryatia [Electronic resource]. – Access mode: www.baikal-media.com/2007/01/31/fraktsiya-bro-politicheskoi-partii-spravedlivaya-rossiya-rodinapensioneryzhizn-zaregistrovanna-v-narodnom-khurale-buryatii.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008
ББК Ч110.50

Т.Г. Балханова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

В статье рассмотрены теоретико-методологические основы исследования диалога культур. Проанализированы существующие на сегодняшний день проблемы в изучении данного феномена. Автором предпринята попытка разработки адекватных путей и методов в познании рассматриваемого явления. Данная статья будет интересна специалистам в области исследований диалога культур и межкультурных взаимодействий.

Ключевые слова: культура, диалог, диалог культур, межкультурное взаимодействие, межкультурная коммуникация, теоретико-методологические проблемы исследования диалога культур, диалогическая концепция.

T.G. Balkhanova

THE THEORETICAL-METHODOLOGICAL PROBLEMS OF RESEARCHING THE DIALOGUE OF CULTURES

The article is devoted to the theoretical-methodological foundations of researching the dialogue of cultures. Existing problems in learning such a phenomenon are analyzed. The author tries to research adequate ways & methods in knowledge of the considered phenomenon. This article can be of use for specialists in the field of researching cultural dialogue & intercultural cooperation.

Key words: culture, dialogue, dialogue of cultures, intercultural cooperation, intercultural communication, the theoretical-methodological problems of researching the dialogue of cultures, dialogical conception.

Проблема диалога культур приобрела особую актуальность в XX в. и в настоящее время не теряет своей остроты в связи с возрастающей глобализацией мира. Тенденция к нарастанию разнообразия культур не должна привести к распаду целостности мировой культуры и цивилизации. Она сопровождается усилением контактов и развитием диалога как программы стратегии совместных действий.

В «Декларации прав культуры», инициатором которой был академик Д.С. Лихачев, отмечается: «Культура является духовной основой цивилизации, гуманистическим ориентиром, критерием ее самобытности и целостности. Разрозненный мир обретает единство в культуре. Человечество, как никогда прежде, ощутило потребность в диалоге, взаимном понимании и общении, интеграции культурного пространства как основы духовного единства и согласия народов» [6]. Именно поэтому диалог становится главным ориентиром культурологических исследований и альтернативой катастрофическим моделям глобализации. Однако реалии нынешнего времени требуют новых подходов и мировоззренческих ориентиров в изучении диалогизма. В теоретико-методологическом плане проблема исследования диалога культур состоит в необходимости разработки адекватных путей и методов познания данного феномена.

К началу XXI в. в науке накоплено достаточное количество исследований по интересующему нас явлению. Известно, что диалог как способ реали-

зации человеческих отношений рассматривали в своих трудах философы и культурологи М.М. Бахтин, М. Бубер, В.С. Библер, Л.М. Баткин, М.С. Каган, С.Н. Иконникова и другие (в контексте настоящей статьи ограничимся данными науками). М.М. Бахтин по существу явился первым историком диалогического общения в России, но не только историком, то есть ученым, он оказался еще и тем, кто учит видеть в истории культуры диалог и, следовательно, помогает вступить в этот диалог. В его диалогической концепции приоритетное место занимает Другой (второй), а инстанция «третьего» остается чисто внешней и потому неопределенной. «Диалогизм Бахтина – это не только и не просто определенный тип мышления, мировоззрения, не теория среди других теорий. Диалогизм – это «зрячее» мышление, открывающее мир других мировоззрений, «миров» и «голосов», их «архитектонику» (со-причастность друг другу)» [7]. В той же неопределенности, называемой «Между», застывает идея у М. Бубера. Столь же характерно понятие «объемлящего» в концепции экзистенциональной коммуникации К. Ясперса. Как видим, все вместе эти понятия («третий», «между», «объемляющее») показательны в том, что они выявляют антиномию диалога.

А.С. Ахиезер рассматривает диалог как реализацию дуальных оппозиций, составляющих основу любой культуры и создающих потенциальную возможность для диалога «внешнего» (с другими культурами и цивилизациями) и «внутреннего»,